

Долгосрочные тренды пенсионной политики в мире

Евсей Томович Гурвич, к. ф.-м. н., руководитель Экономической экспертной группы; руководитель Центра бюджетного анализа и прогнозирования Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации (г. Москва)
E-mail: egurvich@eeg.ru, ORCID 0000-0002-4356-1866

Аннотация

В работе рассматривается эволюция пенсионной политики развитых и развивающихся стран за последние 50 лет. Показано, что на рубеже XX и XXI вв. в этой сфере произошли кардинальные изменения, важной причиной которых, вероятно, послужило прогнозируемое резкое ускорение процесса старения населения. Если в 1980-е и 1990-е гг. пенсионные реформы были направлены во многом на расширение охвата нетрудоспособного населения пенсионными правами и повышение размеров пенсий, то в последние десятилетия приоритеты сместились в сторону обеспечения долгосрочной финансовой устойчивости пенсионных систем. Процесс проведения пенсионных реформ ускорился, существенно увеличилась доля реформ, нацеленных на предотвращение дальнейшего роста пенсионных расходов, а ведущим инструментом решения данной задачи стало повышение пенсионного возраста. Все большее распространение получает также применение отчасти новых механизмов пенсионного страхования — систем с установленными взносами (которые включают как накопительные, так и некоторые распределительные системы). В целом происходящие изменения можно охарактеризовать как поворот от экстенсивной к интенсивной пенсионной политике.

Ключевые слова: пенсионные реформы, старение населения, пенсионный возраст, долгосрочная бюджетная сбалансированность

JEL: H55, J11, J18, J26

Для цитирования: Гурвич Е. Т. Долгосрочные тренды пенсионной политики в мире // Финансовый журнал. 2019. № 6. С. 9–26. DOI: 10.31107/2075-1990-2019-6-9-26

ВВЕДЕНИЕ. РАЗВИТИЕ ПЕНСИОННЫХ СИСТЕМ В ПЕРИОД 1970–2000 гг.

На рубеже XX и XXI столетий в мире произошел серьезный поворот в пенсионной политике: на первый план вышли другие задачи, потребовавшие применения новых инструментов и изменения характера проводимых реформ.

Последние десятилетия прошлого века характеризовались созданием и расширением пенсионных систем во многих развивающихся странах. По оценкам экспертов ООН [UN, 2019], к началу 1970-х гг. во всех странах Европы, а также Северной и Латинской Америки уже действовали системы пенсионного обеспечения пожилого населения, тогда как в странах Ближнего Востока, Северной Африки и Восточной Азии первое принятие соответствующих законов завершилось только в 1990-е гг. Еще позже создавались такие системы в африканских странах южнее Сахары и в Южной Азии, где даже к 2000 г. процесс далеко не везде был завершен.

К началу рассматриваемого периода разнообразие устройства пенсионных систем было достаточно ограниченным и в основном сводилось к двум схемам. Наиболее распространенной была классическая распределительная система, с теми или иными вариациями воспроизводящая исходный механизм, введенный когда-то О. Бисмарком в Германии. Источником финансирования выплат здесь служат пенсионные взносы работников (обычно определяемые как заданный процент от заработной платы), а право на получение пенсии после наступления нетрудоспособности получают граждане, достаточно долго платившие взносы. Вторая схема носит нестраховой характер: право на ее получение не обусловлено уплатой пенсионных взносов, а финансирование производится за счет средств бюджета (т. е. фактически обычных налогов).

В 1970-е гг. впервые появились системы пенсионного страхования в Южной Корее, Индонезии, Пакистане, в 1990-е г. — в Таиланде, Камбодже, Уругвае. В это же время во многих странах (включая развитые) шло расширение состава пенсионных систем за счет введения новых составляющих. Так, в Турции, Австрии, Египте, Испании, Бразилии и других странах в дополнение к системам пенсионного страхования были введены нестраховые схемы, обеспечивавшие поддержку пожилых граждан, не имевших достаточного стажа работы или вообще его не имевших. Если в 1972 г. лишь в 23 % стран в состав пенсионных систем входили нестраховые компоненты, то к 1999 г. доля таких стран достигла 50 % [UN, 2019].

Результатом стало быстрое расширение охвата нетрудоспособного населения пенсионными правами. В табл. 1 показан рост доли пожилых граждан (65 лет и старше), получающих пенсии в крупнейших странах Латинской Америки. Представленная тенденция была типична и для других регионов.

Таблица 1

**Доля получателей пенсии среди пожилого населения
в Латинской Америке, % /
Old Age Pension Coverage in Latin America, %**

Страна	Период	Охват населения в возрасте 65+	
		В начале периода	В конце периода
Аргентина	1974–2000	58,9	70,7
Бразилия	1976–1999	56,8	85,8
Венесуэла	1995–2000	18,8	23,8
Колумбия	1980–2000	0,4	18,6
Мексика	1984–2000	11,5	19,0

Источник / Source: [Rofman R., Oliveri M.L., 2012].

Ряд развитых стран провел в тот период снижение пенсионного возраста (нередко значительное). В частности, между 1970 и 2010 гг.¹ пенсионный возраст (как мужчин, так и женщин) в Ирландии, Франции и Канаде снизился, соответственно, на пять лет, четыре и три года, в то время как в Японии, Новой Зеландии и США произошло повышение пенсионного возраста. В итоге, по данным МВФ [Clements V. et al., 2012], в развитых странах средний пенсионный возраст мужчин остался на уровне 64 года, а у женщин повысился с 62 до 63 лет (отражая общемировую тенденцию к сближению условий выхода на пенсию мужчин и женщин). В странах с формирующимися рынками тенденция увеличения пенсионного возраста была более выражена (так, он вырос в Аргентине, Польше, Турции), в результате чего среднее значение стандартного пенсионного возраста повысилось на один

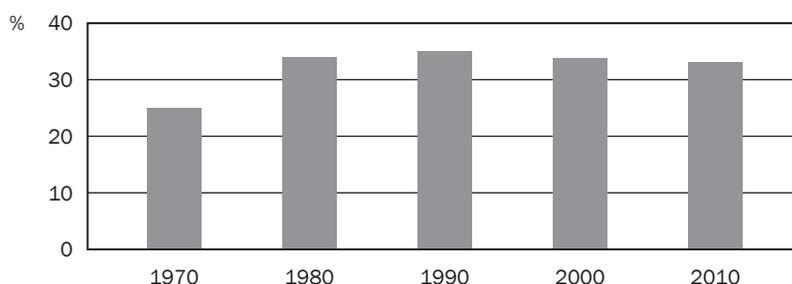
¹ Мы рассматриваем 2010 г. для характеристики процессов, проходивших до 2000 г., поскольку реализация решений о повышении пенсионного возраста обычно растягивается на много лет.

год для обоих полов — до 61 и 58 лет соответственно. На эти изменения накладывалась получившая широкое распространение практика предоставления работникам права досрочного оформления пенсии по их желанию (обычно с некоторым снижением ее размеров). В результате средний фактический возраст выхода на пенсию мало изменился.

Другая важная тенденция второй половины прошлого столетия состояла в увеличении «щедрости» пенсионных систем, т. е. в увеличении размеров пенсий в пропорции к заработной плате. На это указывает, например, рост соотношения средней пенсии к величине ВВП в расчете на одного работника (размеры зарплаты обычно пропорциональны последнему показателю). Как показывает рис. 1, данное соотношение повысилось с 25 до 35 % в 1970-е гг., после чего оставалось сравнительно стабильным.

Рисунок 1

**Соотношение средней пенсии к ВВП на одного работника в развитых странах, % /
Proportion of Average Pension to GDP per Worker in Developed Countries, %**

Источник / Source: [Amaglobeli D. et al., 2019].

Перечисленные тенденции накладывались на процесс старения населения, влияние которого на функционирование пенсионных систем в рассматриваемый период только начало осознаваться².

В табл. 2–3 представлена динамика пенсионных расходов по крупнейшим странам за 50 лет, сложившаяся под действием всех перечисленных факторов. В целом к 2000 г. их уровень вырос более чем вдвое для развитых стран и более чем в 2,5 раза для формирующихся рынков [Clements B. et al., 2012]. Правда, за этим стоит различная динамика: в первой группе стран уже к 1980 г. был достигнут достаточно высокий уровень расходов на пенсии, после чего дальнейший их рост существенно замедлился, тогда как в странах с формирующимися рынками такие расходы стабилизировались в период 1970–1990 гг., однако затем вновь возобновили рост. Далее в первой группе пенсионные расходы увеличивались практически во всех странах (хотя и с разной скоростью), тогда как некоторым из формирующихся рынков (прежде всего тем, кто провел повышение пенсионного возраста) удалось их снизить, как это произошло в Аргентине.

Таблица 2

**Динамика пенсионных расходов в крупнейших странах, % от ВВП /
Public Spending on Pension in the Largest Countries, % GDP**

Страны	1960	1970	1980	1990	2000	2010
Германия	8,2	8,8	10,2	9,5	11,0	10,9
Канада	2,1	2,4	3,4	4,7	4,7	4,9
США	3,9	4,9	6,5	6,3	6,3	6,8

² Под «старением» принято понимать увеличение доли пожилых граждан среди населения. Подробнее данный вопрос рассматривается ниже.

Страны	1960	1970	1980	1990	2000	2010
Франция	4,7	6,7	9,0	11,1	12,3	14,3
Япония	1,2	1,1	4,2	5,2	7,7	10,0
В целом развитые страны	3,8	4,8	7,1	7,6	8,0	9,1
Аргентина			9,2	5,2	5,5	7,4
Бразилия			5,0	5,1	8,0	9,1
Китай				1,0	2,3	3,4
Россия					4,5	8,9
Турция	0,0	0,4	1,3	2,4	5,0	6,3
В целом формирующиеся рынки	2,0	4,0	4,5	4,1	5,3	6,1

Источник / Source: [Clements B. et al., 2012].

В то же время табл. 3 показывает, что в 1990–2010 гг. влияние ключевых факторов на рост пенсионных расходов в развитых странах и формирующихся рынках оказалось сходным. В обоих случаях старение населения привело к необходимости увеличить такие расходы на 1–1,5 процентного пункта (п. п.) ВВП, и примерно такое же увеличение расходов было связано с повышением «щедрости» пенсионных выплат.

Таблица 3

**Декомпозиция фактического и ожидаемого изменения пенсионных расходов по группам стран, п. п. ВВП /
Decomposition of the Actual and Expected Change in Public Spending on Pension by Country Group, percentage points of GDP**

Показатель	Развитые страны			Формирующиеся рынки
	1970–1990	1990–2010	Всего за 1970–2010	1990–2010
Изменение пенсионных расходов, всего	2,8	1,5	4,3	2,0
в том числе за счет:				
старения населения	0,8	1,5	2,3	1,1
изменения пенсионного возраста и охвата пенсионными правами	0,5	-0,6	-0,1	-0,7
изменения относительного размера пенсий	1,9	1,1	3,0	1,3
прочих факторов	-0,4	-0,5	-0,9	0,3

Источник / Source: [Clements B. et al., 2012].

Обобщая основные тенденции пенсионной политики в мире в последние десятилетия XX в., можно охарактеризовать их как «экстенсивное развитие». Оно проявлялось в нескольких формах.

– Существенное расширение охвата нетрудоспособного населения пенсионными правами.

– Повышение «щедрости» пенсионной политики, обеспечивавшее рост коэффициентов замещения (т. е. соотношения между размерами пенсии и утраченного заработка).

– Снижение в ряде стран стандартного и эффективного пенсионного возраста (в том числе за счет облегчения возможности досрочного выхода на пенсию).

– Последовательное увеличение расходов государства на пенсионные выплаты.

В 1990-е гг. международным организациям (прежде всего Всемирному банку и ОЭСР) удалось привлечь широкое внимание к проблемам, вызываемым старением населения. В нескольких докладах³ обращалось внимание на то, что демографические сдвиги

³ Ageing in OECD Countries: A Critical Policy Challenge. Social Policy Studies No. 20. Paris: OECD Publishing, 1996; Averting the Old Age Crisis. Policies to Protect the Old and Promote Growth. World Bank, 1994 и др.

оказывают негативное воздействие на экономику по нескольким каналам, включая снижение доли населения в работоспособном возрасте (влекущее за собой сокращение численности рабочей силы и замедление экономического роста), изменение уровня сбережений и, главное, быстрое увеличение объема бюджетных средств, необходимых для поддержки пожилого населения. Было показано, что на расходы, связанные с возрастом, в среднем по странам ОЭСР приходится более 21 % ВВП (половина всех бюджетных расходов). Самое крупное направление «возрастных» расходов составляли пенсии (9,0 % ВВП), на долю здравоохранения приходилось 6,0 % ВВП [OECD, 2001]. При «инерционном» развитии, без проведения глубоких реформ, увеличение удельного веса пожилого населения неизбежно влечет за собой пропорциональное увеличение соответствующих бюджетных расходов, что угрожает устойчивости бюджетной системы и требует последовательного повышения налогового бремени.

Сдвиги в возрастной структуре населения идут сравнительно медленно — видимо, именно по этой причине они долгое время не привлекали к себе достаточного внимания. Однако накопленные за длительное время структурные изменения (а естественный цикл систем пенсионного страхования продолжается от выхода работника на рынок труда до завершения его жизни, т. е. порядка 50–60 лет) оказываются весьма значительными. Так, за период с 1950 по 2000 г. доля населения старше 65 лет в мире повысилась более чем на треть, причем для стран с высокими доходами рост был значительно большим (почти на $\frac{3}{4}$). Одновременно существенно снизилась доля населения в трудоспособном возрасте, что создает серьезный вызов для государственных финансов в целом и пенсионных систем в частности. Решение данного круга проблем оказалось в центре пенсионной политики нового столетия.

РАЗВОРОТ ПЕНСИОННОЙ ПОЛИТИКИ В XXI ВЕКЕ

С началом XXI столетия все страны вплотную столкнулись с вызовами, связанными со старением населения. Его непосредственным результатом служит рост коэффициента демографической нагрузки, определяемого как число граждан в пенсионном возрасте в расчете на одного находящегося в трудоспособном возрасте. При этом согласно [Гурвич Е. Т., 2019] при неизменном пенсионном возрасте расходы бюджетной системы на выплату пенсий, выраженные в процентах ВВП, меняются примерно пропорционально произведению относительного размера пенсий (т. е. соотношения среднего размера пенсий и заработной платы) на коэффициент демографической нагрузки.

Первые же количественные оценки долгосрочного эффекта старения населения продемонстрировали их угрожающие масштабы. По оценкам [OECD, 2001] изменение возрастной структуры населения в среднем по странам ОЭСР при прочих равных потребовало бы к 2050 г. дополнительных (по сравнению с 2000 г.) бюджетных расходов в объеме 5,5 % ВВП, в том числе 3,4 % ВВП — на увеличение пенсионных расходов. При этом для отдельных стран прогнозируемые последствия имели значительно большие размеры: расчетный рост пенсионных расходов в Испании и Южной Корее составил 8,0 % ВВП, в Чехии — 6,8 % ВВП, в Канаде — 5,8 % ВВП.

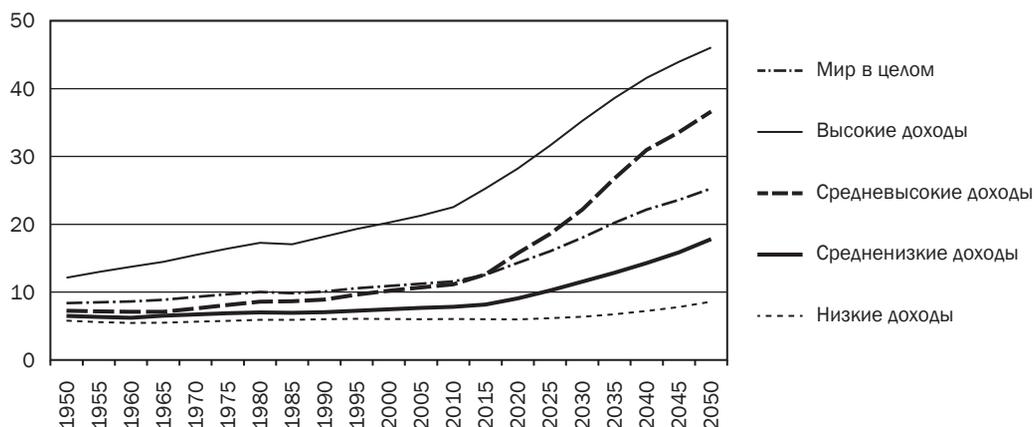
Приведенные на рис. 2 показатели, рассчитанные на основе недавнего демографического прогноза ООН [UN, 2019], говорят, что в первой половине нынешнего столетия темпы прироста демографической нагрузки будут почти вдвое выше, чем в предыдущие полвека⁴. Ускорение затронет все категории стран, однако будет неравномерным. Быстрее всего в период 2000–2050 гг. будет расти демографическая нагрузка в странах

⁴ Здесь используется обычно принятое в международных сравнениях определение границ трудоспособного возраста — 15–64 года и пожилого возраста — 65 лет и старше.

со средневысокими доходами, в результате чего они приблизятся по этому показателю к группе стран с высокими доходами. «Богатые» страны, которые в 1950–2000 гг. опережали остальные по скорости роста демографической нагрузки, утратят лидерство, сравнявшись по темпам роста со среднемировым уровнем (хотя и у них демографическая нагрузка будет повышаться быстрее, чем в предыдущем периоде). Наконец, начнется рост демографической нагрузки и в группе стран с наименьшими доходами, хотя он будет оставаться более медленным, чем у остальных стран.

Рисунок 2

Средний коэффициент демографической нагрузки по странам с разным душевым доходом, % / Demographic Dependency Ratio Trends by Country Group, %

Источник: расчеты автора по данным [UN, 2019] / Source: author's calculations according to [UN, 2019].

Приведенные в табл. 4 индексы роста демографической нагрузки показывают, что Россия отличается особенно выраженным увеличением данного показателя. По темпам повышения демографической нагрузки наша страна опережала все регионы мира в 1950–2000 гг. и по оценкам ООН [UN, 2019] будет также опережать их по итогам столетия (1950–2050 гг.). Это указывает на особую остроту проблем старения для России.

Таблица 4

Сравнение коэффициента демографической нагрузки в России со средними значениями по группам стран / Demographic Dependency Ratio in Russia as Compared to Average Level by Country Group

	Коэффициенты демографической нагрузки			Индекс роста демографической нагрузки		
	1950	2000	2050	1950–2000	2000–2050	1950–2050 всего
Россия	7 %	18 %	38 %	243 %	212 %	515 %
Высокие доходы	12 %	20 %	46 %	167 %	227 %	380 %
Средневысокие доходы	7 %	10 %	37 %	141 %	359 %	506 %
Средненизкие доходы	6 %	7 %	18 %	115 %	239 %	275 %
Низкие доходы	6 %	6 %	9 %	104 %	142 %	149 %
Мир в целом	8 %	11 %	25 %	130 %	232 %	302 %

Источник: расчеты автора по данным [UN, 2019]) / Source: author's calculations according to [UN, 2019].

Приведенные оценки показывают, что перед разными группами стран объективно стоят разные задачи, что определяет различия в приоритетах их пенсионной политики. Страны с высоким душевым доходом имеют наибольшие пенсионные расходы, дальнейшее наращивание которых может достаточно быстро подорвать бюджетную стабильность. Страны со средневысокими доходами тратят на пенсии несколько меньше, но зато по прогнозам отличаются самым быстрым увеличением демографической нагрузки. Таким образом, в этих двух группах пенсионная политика должна быть направлена в первую очередь на то, чтобы обеспечить финансовую стабильность пенсионных систем в условиях старения населения. Перед остальными странами более остро стоит задача расширения охвата пенсиями нетрудоспособного населения и институционального развития пенсионных систем. Имея относительно небольшие пенсионные расходы и сравнительно низкие темпы увеличения демографической нагрузки, эти страны пока могут не рассматривать старение населения как наиболее актуальный вызов, однако им имеет смысл учесть накопленный опыт развитыми странами опыт решения возникающих проблем, заранее отразив его в своих пенсионных схемах.

Отмеченная выше связь между уровнем пенсионных расходов, относительным размером пенсий и демографической нагрузкой означает, что старение населения с необходимостью требует коррекции параметров пенсионной системы по одному из следующих направлений (либо по нескольким направлениям): увеличение пенсионных расходов государства, снижение уровня пенсий по сравнению со средней зарплатой, повышение эффективного возраста оформления пенсии. Каждый из этих вариантов имеет свои серьезные негативные последствия. Подходы к сравнительной оценке вариантов адаптации пенсионных систем к старению и выбору оптимального варианта рассматриваются, в частности, в [Гурвич Е. Т., Иванова М. А., 2018; Гурвич Е. Т., 2019].

Конец XX и начало XXI столетий были отмечены активными поисками решений, которые позволили бы сделать пенсионные системы более устойчивыми по отношению к старению населения, обеспечивая при этом высокий охват нетрудоспособного населения и адекватный размер пенсий. Одним из подходов стало введение в ряде стран «систем с установленными взносами».

Пенсионные системы с установленными взносами

Традиционные распределительные пенсионные системы можно охарактеризовать как схемы с установленными размерами пенсий (СУП). Их характерной особенностью служит жесткая зависимость размеров пенсии от заработной платы и стажа работника. Однако в условиях, когда на одного работника приходится все больше пенсионеров, именно наличие такой жесткой зависимости ведет к необходимости увеличивать пенсионные расходы, что требует последующего повышения ставок пенсионных взносов или налогов.

Принципиальное отличие схем с установленными взносами (СУВ) состоит в том, что они предусматривают адаптацию размеров пенсий к балансу доходов и обязательств пенсионной системы. Это позволяет сохранять финансовую устойчивость без повышения ставок пенсионных взносов, т. е. поддерживать их фиксированный уровень.

Принцип установленных взносов может быть реализован несколькими способами. Прежде всего СУВ могут быть накопительными и распределительными. В первом случае пенсионные взносы каждого работника направляются на его персональный счет в негосударственном пенсионном фонде или управляющей компании, которые инвестируют эти средства. После выхода на пенсию накопленная сумма (включая инвестиционный доход) используется для финансирования выплат с учетом ожидаемой продолжительности жизни на пенсии.

Первая накопительная пенсионная система (НПС) появилась в Чили в 1981 г. Вскоре такие системы стали популярными и были приняты в ряде стран (на раннем этапе

это были в основном страны Латинской Америки — Аргентина, Мексика, Перу), Восточной Европы (Венгрия, Польша) и бывшего СССР (Казахстан, Россия, страны Балтии). Этому способствовала, в частности, позиция Всемирного банка и МВФ, которые подерживали НПС, считая, что они обеспечивают автоматическую адаптацию к старению населения и тем самым устраняют риски для государственных финансов. Опыт применения НПС показал, что они имеют свои недостатки — прежде всего требуют значительных ресурсов на переходный период, когда необходимо заменить выпадающие взносы, направляемые не на выплаты пенсионерам, а на персональные счета самих работников. Таким образом, накопительные схемы помогают защитить пенсионные системы от негативных последствий старения населения только в долгосрочной перспективе, в начальный же период, наоборот, могут усиливать бюджетные дисбалансы. После международного финансового кризиса 2007–2008 гг. несколько стран свернули ранее введенные накопительные системы (как Аргентина и Боливия) или сделали участие в них добровольным (как Венгрия), а другие (включая Чили) дополнили накопительные компоненты распределительными. Всемирный банк также скорректировал свою позицию — сейчас он рекомендует использовать накопительные системы не вместо распределительных, а в дополнение к ним. В целом накопительные схемы занимают значительное место в мировой системе пенсионного страхования — они активно используются как в развитых странах (Австралия, Израиль, Нидерланды, Норвегия, Швейцария), так и в странах с формирующимися рынками (Болгария, Казахстан, Мексика, Польша). Во многих из таких стран НПС играют ведущую роль, обеспечивая основную часть пенсионных выплат.

В России обязательные накопительные пенсии были введены в 2002 г., однако начиная с 2014 г. взносы вместо НПС направляются на финансирование распределительных пенсий.

Примером распределительной СУВ служит условно-накопительная система, которая имитирует действие НПС, однако сохраняет распределительный характер. Для каждого работника ведется постоянный расчет его условных «накоплений», которые пополняются на величину уплаченных работником пенсионных взносов и начисленного по заданной ставке инвестиционного дохода. Окончательная сумма «накоплений» служит основой для определения размеров пенсии. При этом фактически поступающие взносы не инвестируются, а используются для финансирования текущих пенсий.

Другая распределительная схема с установленными взносами — балльная система, основное отличие которой от условно-накопительной состоит в том, что взносы разных лет не накапливаются (даже условно) в стоимостной форме. Вместо этого они преобразуются в баллы и затем суммируются за все годы. Стоимость баллов может подбираться таким образом, чтобы поддерживать баланс между доходами и расходами пенсионной системы. Начиная с 2015 г. такая система действует в России.

Приведенные в табл. 5 данные МВФ свидетельствуют, что системы с установленными размерами пенсий все еще составляют большинство как в развитых, так и в развивающихся странах. Однако уже почти треть стран имеет в составе своих систем пенсионного страхования схемы с установленными взносами.

Таблица 5

**Распространенность различных типов пенсионных систем
по старости в мире на 2015 г., % /
Design of Old-Age Pension Systems Around the World in 2015, %**

	СУП	СУВ	СУП + СУВ	Прочие
Развитые страны	58 %	11 %	20 %	11 %
Формирующиеся рынки и развивающиеся страны	64 %	13 %	19 %	4 %

Источник / Source: [Amaglobeli D. et al., 2019].

Общая черта систем с установленными взносами состоит в том, что в них адаптация к старению населения происходит за счет снижения соотношения средней пенсии к средней зарплате, тогда как в системах с установленными размерами пенсий адаптация обеспечивается за счет увеличения пенсионных расходов.

Экономная индексация пенсий

Другой способ адаптации к старению населения за счет снижения «щедрости» выплат состоит в использовании более экономной индексации назначенных пенсий. Все больше стран переходит от регулярной индексации назначенных пенсий на величину роста средней заработной платы в стране (что позволяет поддерживать стабильный уровень относительных пенсий) к более скромным способам индексации.

По данным Международной организации труда [ILO, 2017], среди 120 стран, по которым были проанализированы используемые методы индексации пенсий (табл. 6), менее ¼ стран повышают назначенные пенсии такими же темпами, как растет зарплата, еще 18 % используют индексацию на взвешенное среднее из роста зарплат и потребительских цен, 37 % стран индексируют пенсии только на инфляцию (лишь сохраняя их покупательную способность), остальные не имеют четких правил индексации, хотя время от времени ее проводят.

Таблица 6

Распределение стран по способу индексации назначенных пенсий / Prevalence of Pension Indexation Methods in the World

Способ	Доля стран
На рост зарплат	23 %
На взвешенное среднее инфляции и роста зарплат	18 %
На инфляцию	37 %
Нет общего правила индексации	23 %

Источник / Source: [ILO, 2017].

Повышение адресности пенсий

В международной практике принято выделять компоненту, ориентированную на снижение бедности среди нетрудоспособного населения («первая компонента»). Учитывая, что соответствующие выплаты обычно финансируются из общего бюджета, а не за счет пенсионных взносов, эта составляющая пенсионной системы по существу может рассматриваться как элемент социальной политики. Тем самым на нее можно распространить общий вывод о возможности повысить эффективность социальной политики, перейдя к адресному распределению выплат, т. е. их концентрации на наиболее нуждающихся.

Наиболее простую схему в «первой компоненте» представляют базовые пенсии, которые имеют одинаковый размер для всех получателей и тем самым сглаживают разрыв в доходах пенсионеров. Адресные схемы принимают одну из трех форм:

- доплата до установленного минимального размера пенсии (такая схема применяется в России);
- адресные выплаты, назначаемые в зависимости от наличия и размера других доходов;
- снижающиеся выплаты с учетом других получаемых доходов.

По данным международной организации труда (МОТ), почти половина (47 %) стран при назначении пенсий по старости применяют элементы адресного принципа [ILO, 2017].

При этом в 24 странах из 90, использующих адресность, решение обусловлено наличием и размерами получаемой страховой пенсии, а в остальных 64 странах — получением любых доходов.

Повышение эффективного пенсионного возраста

Накопленные свидетельства указывают на то, что повышение пенсионного возраста в последние годы стало наиболее распространенной мерой реформирования в пенсионной сфере. Международная практика последнего времени по повышению пенсионного возраста представлена, например, в [Горлин Ю. М. и др., 2017; Axelrad H., Mahoney K., 2017]. Так, по оценкам МОТ, в период с 2010 по 2016 г. в мире было принято 103 решения, направленных на более позднее предоставление гражданам права на пенсию по старости [ILO, 2017]. Чаще всего (в 72 случаях) это обеспечивалось непосредственно повышением стандартного пенсионного возраста, однако почти в трети случаев использовались другие подходы:

- отмена имеющейся в ряде стран опции добровольного досрочного оформления пенсии;
- увеличение связанных потерь в размере пенсии при досрочном ее оформлении;
- усиление стимулов для позднего выхода на пенсию;
- ужесточение необходимых для предоставления пенсий требований, например увеличение минимального необходимого трудового стажа.

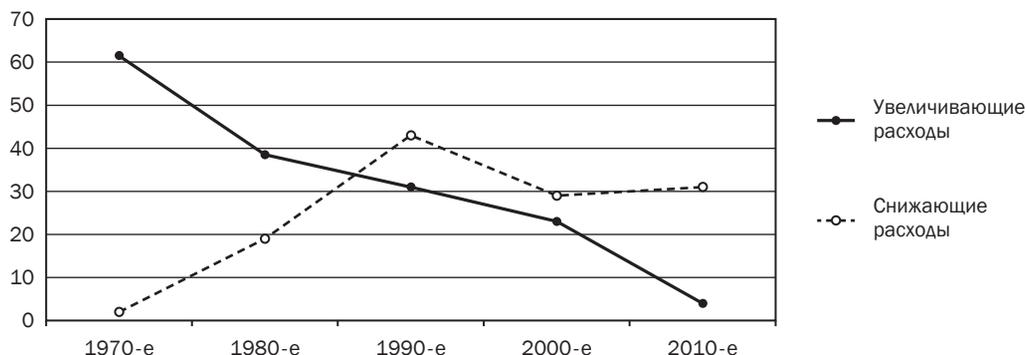
Наряду с «разовыми» решениями о повышении пенсионного возраста все больше стран принимает рамочное решение о его автоматической индексации по мере увеличения продолжительности жизни, введенное в Дании, Италии, Финляндии и других странах. Такой механизм представляет собой альтернативный по сравнению со схемами СУВ способ обеспечения сбалансированности пенсионных систем в условиях старения населения. Отличие от принципа СУВ состоит в том, что повышение пенсионного возраста не требует снижения уровня пенсий по отношению к зарплате.

ПЕНСИОННЫЕ РЕФОРМЫ В XXI ВЕКЕ

С началом XXI столетия проведение пенсионных реформ в мире существенно активизировалось. Так, в странах ОЭСР среднегодовое число таких реформ выросло с 12 в 1980-е до 25 в 2010-е гг. [Beetsma R. et al., 2017]. Изменилась и направленность этих реформ: наиболее распространенной задачей (особенно в развитых странах) в последнее время стало укрепление финансовой устойчивости пенсионных систем, которую ставит под угрозу старение населения [OECD, 2017; ILO, 2017; Filgueira F., Manzi P., 2017; Bonenkamp J. et al., 2017]. Тем самым получили подтверждение предсказания международных организаций. В странах ОЭСР уже начиная с 1990-х гг. реформы, повышающие рациональность пенсионных расходов (благодаря переходу к принципу «фиксированных взносов», более скромной индексации, повышению адресности базовых пенсий, увеличению пенсионного возраста и т. д.), стали доминировать над реформами, увеличивающими расходы (за счет повышения ставок пенсионных взносов или расширения нестраховых пенсий), — см. рис. 3.

Еще один важный факт состоит в том, что в новом столетии все большую роль в проведении «экономящих» пенсионных реформах играет повышение эффективного пенсионного возраста. Если в 1980-е гг. на эту меру в выборке из 12 стран ОЭСР приходилось лишь 10 %, то в 2010-е гг. уже 59 % от общего числа таких реформ [Vi H. et al., 2019].

**Число пенсионных реформ в выборке стран ОЭСР /
Number of Pension Reforms by Major Objective in a Sampling of OECD Countries**

Источник / Source: [Bi H. et al., 2019].

Более общую картину дает доклад МОТ [ILO, 2017], в котором представлен анализ объявленных между 2010 и 2016 гг. пенсионных реформ по широкому кругу стран. В 169 случаях они были направлены на сокращение расходов, в том числе в 103 случаях (61 % всех реформ) эта задача решалась за счет более позднего оформления пенсий. Таким образом, данные МОТ рисуют практически такую же картину, как приведенные выше оценки для стран ОЭСР.

Развернутое обсуждение реформ последнего периода в пенсионной сфере содержится в работах [Carone G. et al., 2016; Holzmann R., 2013; Börsch-Supan A., 2012] и др. Посмотрим, к каким изменениям привели эти реформы.

В ряде стран за период с 2000 по 2016 г. удалось существенно повысить охват пожилого населения пенсиями. Особенно большой шаг здесь сделал Китай, который довел такой охват с 25 до 100 % [ILO, 2017]. Серьезного прогресса добились также Таиланд (где охват возрос с 5 до 85 %), Южная Корея (с 23 до 80 %). В среднем по всему миру доля пожилого населения, получающего пенсии, оценивается Международной организацией труда в 68 %. Однако данный показатель сильно варьирует по группам стран: так, если для развитых стран он давно близок к 100 %, то в странах Африки он все еще составляет около 30 %, а в Южной Азии — 24 %.

Прогресс в охвате пенсионным обеспечением в значительной мере определяется тем, что в большинстве стран к настоящему времени для этой задачи созданы по крайней мере базовые институты. По оценкам МОТ, к 2016 г. в 97 % стран действовали пенсионные системы (табл. 7), причем более чем в половине стран имелись как страховые, так и нестраховые компоненты.

Таблица 7

**Состав пенсионных систем в мире по состоянию на 2016 г. /
Composition of Pension Systems as of 2016**

	Число	% стран
Только страховые	72	38
Только нестраховые	12	6
Страховые и нестраховые	102	53
Нет	6	3
Всего	192	100

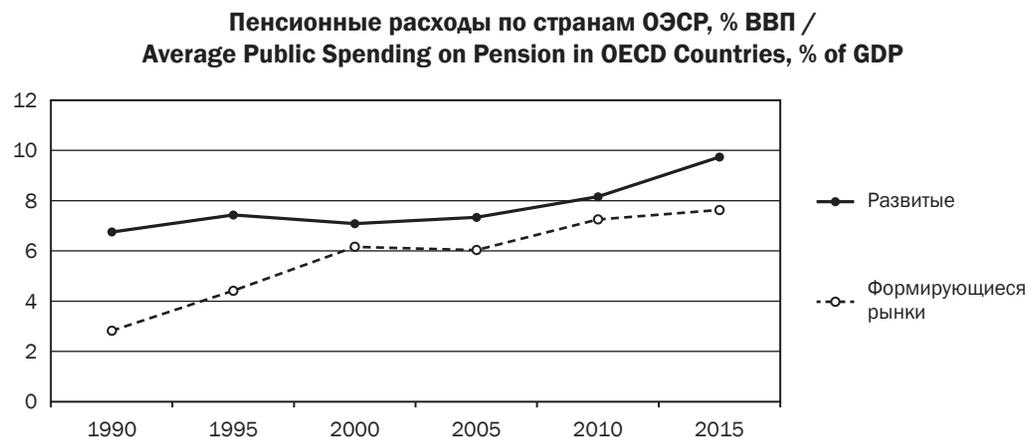
Источник / Source: [ILO, 2017].

Несмотря на проведенные реформы, расходы на выплату пенсий в XXI в. продолжали увеличиваться, более того, их рост ускорился (рис. 4). По всей видимости, это объясняется тем, что, с одной стороны, в последние годы усилился процесс старения, а, с другой стороны, между принятием решений о тех или иных изменениях в пенсионной сфере до их реализации проходит достаточно значительное время. Так, по оценкам [Vi H. et al., 2019], в среднем по 12 исследованным странам ОЭСР это время составляет десять лет, а для мер по повышению пенсионного возраста оно еще больше (12 лет). Сверх этого проведение таких реформ, как повышение пенсионного возраста, всегда растягивается на большой срок, и эффект проявляется в лучшем случае после прохождения «экватора» реформы. Таким образом, период от принятия законодательной базы пенсионных реформ до получения планируемого эффекта может исчисляться десятилетиями, что необходимо учитывать при проведении пенсионной политики.

Результаты принятых, но еще не реализованных решений по повышению пенсионного возраста можно оценить, например, сопоставляя данные ОЭСР о текущем пенсионном возрасте и возрасте, в котором нынешние 20-летние работники смогут в будущем выйти на пенсию [OECD, 2017]. Несмотря на уже высокий установленный пенсионный возраст (64,3 и 63,4 для мужчин и женщин соответственно), дальнейшее повышение также ощутимо: для мужчин оно в среднем составляет 1,5 года, для женщин 2,1 года. При таком сопоставлении пенсионного возраста лидерами его роста среди стран ОЭСР являются Южная Корея (с 61 до 65 лет), Нидерланды (с 65,5 до 71 года) и Дания (с 65 до 74 лет). Абсолютным рекордсменом является Индонезия, где пенсионный возраст должен повыситься на девять лет: с 56 до 65.

В целом по ОЭСР к 2060 году средний пенсионный возраст достигнет 65,8 года для мужчин и 65,5 года для женщин. Для 20-летних работников стандартный пенсионный возраст повысится за это время в 18 из 35 стран, и в этих странах среднее изменение составит 3,3 года.

Рисунок 4

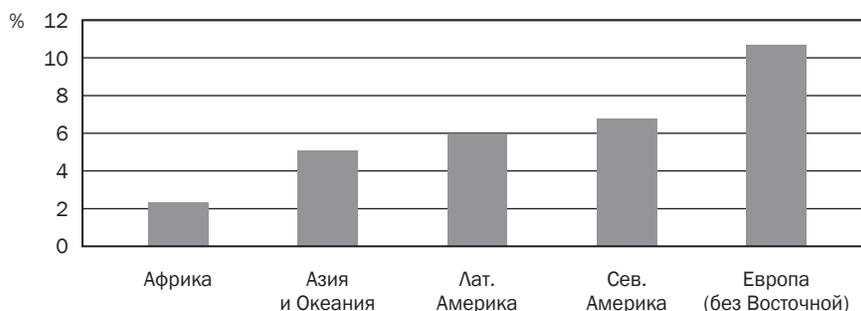
Источник: расчеты автора по данным [ОЭСР, 2017] / Source: author's calculations according to the [OECD, 2017].

МОТ дает оценки среднего уровня пенсионных расходов по всем странам мира и по макрорегионам (рис. 5), однако при этом учитывает только пенсии по старости, объединяя их с другими расходами на социальную поддержку пожилых (не включая сюда расходы на здравоохранение). В среднем в мире уровень таких расходов составляет 6,9 % ВВП,

но различия по регионам остаются очень большими: расходы варьируются от 10,7 % ВВП в Европе (без учета Восточной) до 2,3 % ВВП в Африке [ILO, 2017].

Рисунок 5

**Бюджетные расходы на пенсии по старости
и социальную поддержку пожилых, % ВВП /
Public Spending on Old-Age Pension and Social Protection, % of GDP**

Источник: данные МОТ, 2017 / Source: ILO data, 2017.

Следующая табл. 8 дает средний уровень продолжительности жизни и пенсионного возраста в целом в мире и по макрорегионам. Можно отметить, что и для мужчин, и для женщин Россия имеет пенсионный возраст ниже, чем в среднем любой из регионов (исключение – Африка, где пенсионный возраст мужчин также равен 60 годам. Особенно велик такой разрыв для женщин.

Таблица 8

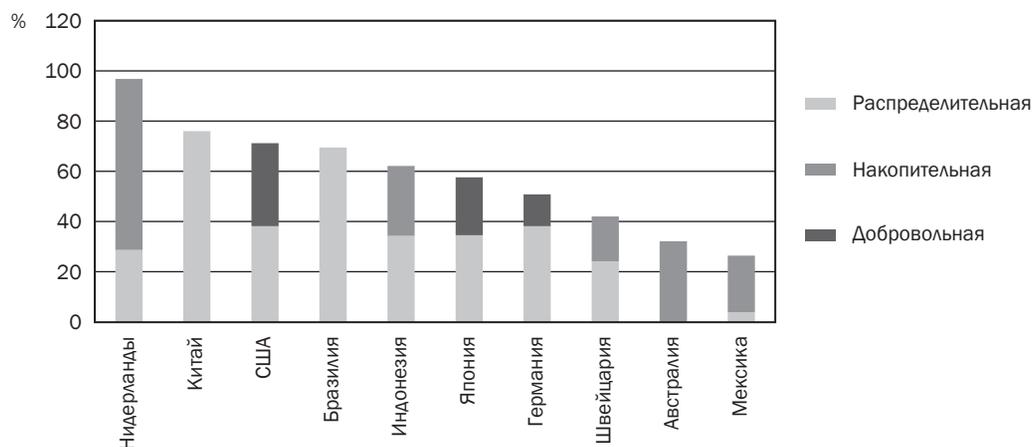
**Пенсионный возраст и продолжительность жизни
в 2016 г. по регионам /
Retirement Age and Life Expectancy by Region**

	М		Ж	
	Пенсионный возраст	Продолжительность жизни	Пенсионный возраст	Продолжительность жизни
Сев. Америка	65,5	78,3	65,5	82,7
Европа	64,2	75,0	62,6	81,3
Лат. Америка	62,8	72,5	60,9	78,3
Мир	62,6	73,6	61,0	79,2
Азия	60,4	73,4	58,6	78,7
Африка	60,0	67,1	59,3	70,8
Россия	60,0	66,5	55,0	77,1

Источник: расчеты автора по данным SSA / Source: author's calculations according to [SSA, 2017; SSA, 2018a; SSA, 2018b; SSA, 2019].

Относительные размеры пенсий, характеризуемые коэффициентами замещения (т. е. отношением назначенной пенсии к утраченному заработку), имеют еще большую вариацию по странам даже среди стран ОЭСР. Так, среди представленных на рис. 6 стран этот показатель меняется от 26 % для Мексики до 97 % для Нидерландов. Обратим также внимание на существенные различия между вкладом разных компонент в формирование пенсий. В одних странах (таких как Китай или Бразилия) существуют только обязательные распределительные схемы, в других (Австралия, Мексика) ведущую роль играют накопительные пенсии, в третьих сопоставимый вклад вносят распределительные и накопительные компоненты (как в Швейцарии) или распределительные и добровольные схемы.

Расчетные коэффициенты замещения по видам пенсий для работника со средней зарплатой, % / Estimated Replacement Rates by Pension Category for an Average Wage Worker, %

Источник / Source: [OECD, 2017].

ОЖИДАЕМЫЕ В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПЕНСИОННЫХ СИСТЕМ

Долгосрочная будущая динамика параметров пенсионной системы каждой страны определяется сочетанием объективных показателей (прежде всего демографических) и проводимой правительством пенсионной политики. Один из прогнозов пенсионных показателей был разработан экспертами МВФ [Clements B. et al., 2012]. Сравнение ожидаемых показателей, представленных в табл. 9, с прошлой динамикой (табл. 3) позволяет сделать следующие выводы:

- влияние старения населения на необходимое финансирование пенсионных систем в 2010–2030 гг. будет несопоставимо большим, чем в предшествующий период;
- по оценкам, рост пенсионных расходов в 2010–2030 г. существенно замедлится по сравнению с более ранним периодом;
- относительные размеры пенсий будут снижаться, что несколько снизит потребность в финансировании пенсионных систем (в отличие от предыдущего периода, когда «щедрость» пенсионных систем росла, требуя дополнительных расходов).

Таблица 9

Декомпозиция ожидаемого изменения пенсионных расходов за 2010–2030 гг., п. п. ВВП / Decomposition of Anticipated Change in the Public Spending on Pension, percentage points of GDP

Показатель	Развитые страны	Формирующиеся рынки	Все страны
Изменение пенсионных расходов, всего	1,5	0,8	1,2
в том числе за счет:			
старения населения	4,3	2,9	3,6
изменения пенсионного возраста и охвата пенсионными правами	-1,2	-0,8	-1,0
изменения относительного уровня пенсий	-1,2	-1,1	-1,1
прочих факторов	-0,4	-0,2	-0,3

Источник / Source: [Clements B. et al., 2012].

Представление о вероятной динамике пенсионных показателей на более длительный период для стран ЕС дает доклад Еврокомиссии о последствиях старения населения [European Commission, 2018]. В этом докладе с учетом эффекта принятых и намеченных пенсионных реформ дается прогноз ключевых показателей пенсионных систем стран ЕС на 2016–2070 гг. Согласно его выводам старение населения, если не реагировать на него, в период 2016–2070 гг. увеличит потребность в финансировании пенсионных систем стран ЕС в среднем на 6,5 п. п. ВВП (табл. 10). Однако, как ожидается, в целом по ЕС последствия будут полностью компенсированы ответными мерами, так что пенсионные расходы даже несколько снизятся (на 0,2 п. п. ВВП). При этом в большинстве стран адаптация к негативным демографическим трендам обеспечивается с помощью набора дополняющих друг друга мер, так что адаптация к повышению демографической нагрузки оказывается распределена между повышением пенсионного возраста и снижением уровня пенсий по сравнению с заработной платой. Как следствие, Еврокомиссия прогнозирует устойчивую тенденцию к уменьшению среднего относительного размера пенсий (с 45 % в начале периода до 33 % в его конце). Отметим различия в пенсионной политике разных стран: одни (как Греция или Испания) проводят основную часть адаптации за счет снижения пенсий по отношению к зарплате, другие (как Нидерланды) делают это в основном за счет повышения пенсионного возраста, третьи распределяют бремя адаптации между обоими этими каналами (Италия, Франция), наконец, четвертые (как Германия) дополнительно к этому проводят часть адаптации за счет увеличения пенсионных расходов.

Таблица 10

Прогнозируемое изменение пенсионных расходов стран ЕС в 2016–2070 гг. / Decomposition of Estimated Change in the Public Spending on Pension in EU Countries in 2016–2070

Страна	Показатели 2016 г.		Изменение пенсионных расходов с 2016 по 2070 г., п. п. ВВП	В том числе за счет:			
	Пенсионные расходы, % ВВП	Отношение средней пенсии к зарплате, %		старения населения	изменения эффективного пенсионного возраста	изменения относительного размера пенсий	прочих факторов
Греция	17,3	77	-6,6	9,1	-1,9	-8,3	-5,5
Италия	15,6	59	-1,7	10,3	-4,5	-4,0	-3,5
Франция	15,0	51	-3,3	6,2	-2,9	-4,8	-1,8
Испания	12,2	58	-1,5	7,6	-0,4	-4,9	-3,8
ЕС в среднем	11,2	44	-0,2	6,5	-2,1	-3,3	-1,3
Бельгия	12,1	42	2,9	6,6	-1,9	-0,7	-1,1
Германия	10,1	42	2,4	6,6	-1,3	-2,4	-0,5
Чехия	8,2	40	2,8	5,4	-1,9	-0,5	-0,2
Нидерланды	7,3	36	0,6	4,2	-2,7	0,0	-0,9

Источник / Source: European Commission, 2018.

Отметим также, что среди крупных стран ЕС, представленных в табл. 10, все, имевшие в начальный момент уровень пенсионных расходов выше среднего (около 11 % ВВП), снижают его, и почти все, где расходы ниже среднего, увеличивают их. В итоге разрыв между странами с самой «щедрой» и самой «экономной» пенсионными системами сократится почти вдвое — с 10 п. п. ВВП в 2016 г. до 6 п. п. ВВП в 2070 г. Вслед за изменением пенсионных расходов, как правило, в том же направлении изменяется и отношение пенсий к зарплате, поэтому конвергенция коснется и относительного размера пенсий: здесь разрыв между лидерами и отстающими сокращается почти в три раза (с 49 до 18 п. п.).

Приведенные оценки позволяют предположить существование естественного предела бремени финансирования пенсионных расходов, по достижении которого возникает необходимость перейти на более экономный режим. Особенно ярко это иллюстрирует пример Греции: стране, где самый высокий в ЕС уровень пенсионных расходов (более 17 % ВВП), предстоит самое большое (на 1/3 при измерении в процентах ВВП) сокращение финансирования пенсий.

Наконец, наиболее глобальный и в то же время наиболее свежий прогноз, подготовленный экспертами МВФ, предсказывает, что к 2050 г. пенсионные расходы развитых стран увеличатся примерно на 2 п. п. ВВП [Amaglobeli D. et al., 2019], в частности, на 1,6 п. п. ВВП в США и чуть более чем на 2 п. п. ВВП в Германии. Эти оценки учитывают последствия уже принятых мер (таких как повышение пенсионного возраста) и дальнейших реформ. Согласно данному прогнозу наряду с увеличением пенсионных расходов поддержание устойчивости пенсионных систем потребует также существенного снижения относительного уровня пенсий: к 2050 г. среднее по развитым странам соотношение средней пенсии к величине ВВП на одного работника упадет до 18 % по сравнению с нынешним значением 29 %.

Подводя итог, мы можем сделать вывод о том, что в XXI в. в мире произошел существенный поворот проводимой пенсионной политики. По своему объективному содержанию она перешла от экстенсивной, характерной для предыдущего столетия, к интенсивной. Изменения коснулись многих аспектов политики: ее приоритеты (особенно в странах с высоким и средневысоким доходом) сдвинулись в сторону обеспечения долгосрочной бюджетной устойчивости, основным содержанием проводимых реформ стало ограничение роста пенсионных расходов, появились новые механизмы автоматической адаптации параметров пенсионных систем к демографическим сдвигам. Параллельно этому страны со средненизкими и низкими доходами продолжают прилагать усилия по повышению охвата нетрудоспособного населения пенсиями и обеспечению их адекватных размеров при сохранении посильного для налогоплательщиков бремени финансирования этих систем.

Список источников

- Горлин Ю. М., Гришина Е. Е., Ляшок В. Ю. и др. Повышение пенсионного возраста: опыт зарубежных стран и оценка эффектов для России // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2017. № 6. С. 85–98.
- Гурвич Е. Т., Иванова М. А. Экономический эффект старения населения и пенсионных реформ // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2018. № 5. С. 9–22.
- Гурвич Е. Т. Развилки пенсионной реформы: российский и международный опыт // Вопросы экономики. 2019. № 9. С. 5–39. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-9>.
- Amaglobeli D., Chai H., Dabla-Norris E. et al. The Future of Saving: The Role of Pension System Design in an Aging World / IMF Staff Discussion Note SDN/19/01, 2019.
- Axelrad H., Mahoney K. Increasing the Pensionable Age: What Changes Are OECD Countries Making? What Considerations Are Driving Policy? // Open Journal of Social Sciences. 2017. No. 5. P. 56–70.
- Beetsma R., Romp W., van Maurik R. What drives pension reform measures in the OECD? Evidence based on a new comprehensive dataset and theory / CEPR Discussion Papers. 2017. № 12313.
- Bi H., Hunt K., Zubairy S. Implementation Delays in Pension Retrenchment Reforms / Economic Review, July 2019.
- Bonenkamp J., Meijdam L., Ponds E. et al. Ageing-driven pension reforms // Journal of Population Economics. 2017. Vol. 30. Iss. 3. P. 953–976.
- Börsch-Supan A. Entitlement Reforms in Europe: Policy Mixes in the Current Pension Reform Process // NBER Working Paper. 2012. No. 18009.
- Carone G., Eckefeldt P., Giamboni L. et al. Pension Reforms in the EU since the Early 2000's: Achievements and Challenges Ahead / European Commission Discussion. Paper 42. 2016.
- Clements B., Coady D., Eich F. et al. The Challenge of Public Pension Reform in Advanced and Emerging Market Economies / IMF Occasional Paper No. 275. 2012.

Filgueira F., Manzi P. Pension and income transfers for old age. Inter- and intra-generational distribution in comparative perspective / United Nations Social Policy Series. No. 225. 2017.

Fiscal implications of aging: projections of age-related spending / OECD Economic Outlook 69. Paris: OECD, 2001. URL: <http://www.oecd.org/economy/outlook/2085481.pdf>.

Holzmann R. Global Pension Systems and Their Reform: Worldwide Drivers, Trends and Challenges // International Social Security Review. 2013. Vol. 66. No. 2. P. 1–29.

Pensions at a Glance 2017: OECD and G20 Indicators. Paris: OECD Publishing, 2017.

Rofman R., Oliveri M. L. Pension Coverage in Latin America Trends and Determinants / Social Protection and Labor Discussion Paper No. 1217. The World Bank, 2012.

Social Security Programs Throughout the World: Africa, 2017. SSA Publication No. 13-11803, 2017.

Social Security Programs Throughout the World: Europe, 2018. SSA Publication No. 13-11801, 2018.

Social Security Programs Throughout the World: The Americas, 2017. SSA Publication No. 13-11804, 2018.

Social Security Programs Throughout the World: Asia and the Pacific, 2018. SSA Publication, No. 13-11802, 2019.

The 2018 Ageing Report. Economic and Budgetary Projections for the EU Member States (2016–2070) / European Commission. Institutional Paper 079, May 2018.

World Population Prospects: The 2019 revision. UN Population Division, 2019.

World Social Protection Report 2017–19. Universal Social Protection to Achieve the Sustainable Development Goals. ILO, 2017.

Поступила в редакцию 10 октября 2019 г.

Принята к публикации 12 декабря 2019 г.

DOI: 10.31107/2075-1990-2019-6-9-26

Long-Term Global Trends in Pension Policy

Evsey T. Gurvich^{1, 2} (e-mail: egurvich@eeg.ru), ORCID 0000-0002-4356-1866

¹ *Economic Expert Group, Moscow 109012, Russian Federation*

² *Financial Research Institute, Moscow 127006, Russian Federation*

Abstract

The paper considers the evolution of pension policy in both developed and developing countries over the last 50 years. It demonstrates that drastic changes occurred in this area at the turn of the century, most likely explained with expectations of a marked acceleration in population aging. Reforms in the 1980s and 1990s were aimed mainly at increasing pension coverage and pension size adequacy, while in the last two decades priority generally shifted to ensuring long-term financial sustainability of pension systems. Pension reforms are becoming more and more common, and preventing further growth of public spending on pension is now their most prevalent objective, raising the retirement age being a major tool for addressing this task. Worth noting is also gradual expansion of a relatively new mechanism, namely defined contribution pension systems (including both funded and unfunded schemes). We assume that these trends taken together evidence a clear turn from extensive to intensive pension policy in the world.

Keywords: *pension reforms, population aging, retirement age, pension systems, long-term fiscal sustainability*

JEL: *H55, J11, J18, J26*

For citation: *Gurvich E.T. Long-term Global Trends in Pension Policy. Financial Journal, 2019, no. 6, pp. 9–26 (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2019-6-9-26.*

References

Amaglobeli D., Chai H., Dabla-Norris E. et al. (2019). The Future of Saving: The Role of Pension System Design in an Aging World. IMF Staff Discussion Note SDN/19/01.

Axelrad H., Mahoney K. (2017). Increasing the Pensionable Age: What Changes Are OECD Countries Making? What Considerations Are Driving Policy? *Open Journal of Social Sciences*, no. 5, pp. 56–70.

Beetsma R., Romp W., van Maurik R. (2017). What drives pension reform measures in the OECD? Evidence based on a new comprehensive dataset and theory. CEPR Discussion Papers no. 12313.

Bi H., Hunt K., Zubairy S. (2019). Implementation Delays in Pension Retrenchment Reforms. *Economic Review*, July.

Bonenkamp J., Meijdam L., Ponds E. et al. (2017). Ageing-driven pension reforms. *Journal of Population Economics*, vol. 30, iss. 3, pp. 953–976.

Börsch-Supan A. (2012). Entitlement Reforms in Europe: Policy Mixes in the Current Pension Reform Process. *NBER Working Paper*, no. 18009.

Carone G., Eckefeldt P., Giamboni L. et al. (2016). Pension Reforms in the EU since the Early 2000's: Achievements and Challenges Ahead. European Commission Discussion Paper 42.

Clements B., Coady D., Eich F. et al. (2012). The Challenge of Public Pension Reform in Advanced and Emerging Market Economies. IMF Occasional Paper No. 275.

European Commission (2018). The 2018 Ageing Report. Economic and Budgetary Projections for the EU Member States (2016–2070). Institutional Paper 079, May 2018.

Filgueira F., Manzi P. (2017). Pension and income transfers for old age. Inter- and intra-generational distribution in comparative perspective. United Nations Social Policy Series, no. 225.

Gorlin Yu.M., Grishina E.E., Lyashok V.Yu. et al. (2017). Increase in Retirement Age: Experience of Foreign Countries and the Assessment of the Effects for Russia. *Finansovyy zhurnal – Financial Journal*, no. 6, pp. 85–98. (In Russ.).

Gurvich E.T., Ivanova M.A. (2018). Economic Effect of Population Ageing and Pension Reforms. *Finansovyy zhurnal – Financial Journal*, no. 5, pp. 9–22 (In Russ.).

Gurvich E.T. (2019). The Junctions of Pension Reforms: Russian and International Experience. *Voprosy Ekonomiki*, no. 9, pp. 5–39 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-9>.

Holzmann R. (2013). Global Pension Systems and their Reform: Worldwide Drivers, Trends and Challenges. *International Social Security Review*, vol. 66, no. 2, pp. 1–29.

ILO (2017). World Social Protection Report 2017–19. Universal Social Protection to Achieve the Sustainable Development Goals.

OECD (2001). Fiscal implications of aging: projections of age-related spending, OECD Economic Outlook 69. Paris: OECD. Available at: <http://www.oecd.org/economy/outlook/2085481.pdf>.

OECD (2017). Pensions at a Glance 2017: OECD and G20 Indicators. Paris: OECD Publishing.

Rofman R., Oliveri M.L. (2012). Pension Coverage in Latin America Trends and Determinants. Social Protection and Labor Discussion Paper No. 1217. The World Bank, 2012.

SSA (2017). Social Security Programs Throughout the World: Africa, 2017. SSA Publication No. 13-11803.

SSA (2018a). Social Security Programs Throughout the World: Europe, 2018. SSA Publication No. 13-11801.

SSA (2018b). Social Security Programs Throughout the World: The Americas, 2017. SSA Publication No. 13-11804.

SSA (2019). Social Security Programs Throughout the World: Asia and the Pacific, 2018. SSA Publication, No. 13-11802.

UN (2019). World Population Prospects: The 2019 revision. UN Population Division.

Received 10.10.2019

Accepted for publication 12.12.2019